

О ЯЗЫКЕ ПИСЕМ ГРИБОЕДОВА

Сообщение И. Ильинской

Переписка, особенно неофициальная, частная, в большей степени, чем какие-либо иные письменные документы прошлого, отражает живую, разговорную речь той или иной эпохи. В этом отношении письма Грибоедова представляют собою чрезвычайно интересный материал. Как правило, они не претендуют на «литературность». Их никак нельзя назвать произведениями «эпистолярного жанра», который так охотно культивировали писатели-карамзинисты.

В «Путевых записках», обращаясь к Бегичеву, Грибоедов отмечает: «...Пишу для тебя собственно и для тех, которым позволишь заглянуть в нашу переписку, а не для печати, а не для перенумерантов С. Отечества, куда, впрочем, это маранье по дурному слогу и пустоте мыслей принадлежит». Указание на «дурной слог» и свидетельствует об отсутствии в письмах Грибоедова литературно-стилистической установки. В них мы можем рассчитывать найти отражение того «непринуждённого, лёгкого», а подчас «неровного, неправильного» бытового языка московского дворянства, который Грибоедовым впервые был вовлечён в сферу литературной речи. В этом смысле они играли роль своеобразной творческой лаборатории, в условиях которой формировалось языковое своеобразие «Горя от ума».

Интересно, что в известном письме к Катенину, в котором Грибоедов пишет о портретности героев своей комедии, он тут же переводит литературно-книжные формы словесного выражения в формы бытового, разговорного языка. Он пишет: «Его насмешки неязвительны, покуда его не взбесит, но всё-таки: «Не человек! змея!», а после, когда вмешивается личность, «наших затронули», предаётся анафеме». В этом «наших затронули» Грибоедов на лету схватывает форму просторечного выражения своей мысли.

В некоторых случаях письма Грибоедова производят впечатление фиксации живой речи, беседы, предполагающей тут же находящегося собеседника. В письме к Каховскому от 25 июня 1820 г. Грибоедов пишет: «Жду, не дождусь письма от вас. Что вы такое намекнули об отъезде в Петербург? Как это? Когда? Официально? Или по догадке вашей? Выведите из сомнения, любезный Николай Александрович. Либо воскресите, либо добейте умирающего. Ещё слушайте кое-что...» Короткие, неполные предложения, их вопросительная форма, обращение «слушайте кое-что» — это сильная передача в письменной форме разговора с собеседником, который мыслится присутствующим тут же.

В письме Грибоедова Паскевичу от 12 апреля 1828 г. читаем: «Нового мне вам сказать нечего, притом в присутственном месте не так вольно слова льются». Грибоедова, привыкшего беседовать в письмах, стесняет официальная обстановка, выбивает его из обычной колеи, принуждая к несвойственной ему манере выражаться. С разговорной манерой своих писем он настолько сроднился, что даже в письме к Николаю впадает в несколько просторечный, фамильярный тон, нарушая этим манеру, принятую в обращениях на «высочайшее» имя. Недаром Дибич в своей резолюции на этом письме отметил, что «этим тоном не пишут государю».

Грибоедов пишет здесь: «... через три тысячи вёрст, в самую суровую стужу притащен сюда на перекладных». Ср. слова Хлестовой в «Горе от ума»:

Легко ли в шестьдесят пять лет

Тащить ся мне к тебе, племянница?.. Мученье! (д. III, явл. 10).

Возможно, что в просторечной манере писем Грибоедова отразились также его литературные вкусы, как «арханста». Несмотря на отсутствие литературно-стилистической установки, в его письмах совершенно естественно предположить известный протест против сглаженного, манерного «нового слога». В письме к Родофиникину от 12 июля 1828 г. мы находим любопытное противопоставление манерной фразеологии карамзинского типа просторечной лексеме, создающее комическое столкновение разностильных элементов: «... но, ради бога, не натягивайте струн моей природной пылкости и усердия, чтобы не лопнули».

Этот протест сказывается и в употреблении Грибоедовым вульгарной лексики, которая наряду с элементами бытового просторечия придаёт языку писем ярко выраженный эмоционально насыщенный колорит, резко противостоящий вялому и слащавому тону сентиментальной литературы. Вульгаризмы Грибоедов черпает из того же бытового языка дворянства, в котором они были в широком употреблении. Любопытно в этом отношении сопоставить отрывки из писем московской барыни Марии Ивановны Римской-Корсаковой, мецанки Минкиной, любовницы Аракчеева, с одной стороны, и Грибоедова — с другой.

Римская-Корсакова: «И признаюсь тебе, очень грустно, что князя Меншикова из наших рук отбил Олсуфьев. Пускай бы ещё кто другой, а не этот дурак»¹.

Минкина: «У нас был бешеный Ланской; ах, друг, этот дурак не стоит, чтобы быть в Грузине... Сделайте милость, не позволяйте навещать дуракам»².

Грибоедов: «... Живу не в себе, а в тех людях, которые поминутно со мною, часто же они дураки набитые» (Бегичеву, 9 сентября 1825 г.).

«Дурак Загоскин в журнале намарал на меня ахиною» (Катенину, 19 октября 1817 г.).

«Сталь был бескорыстен, а кроме того дурак» (Бегичеву, 7 декабря 1825 г.).

Не стоит умножать примеров. По своей экспрессивной окраске эти отрывки не отличаются друг от друга. Но, если эта вульгарная лексика совершенно закономерна и естественна для Римской-Корсаковой или Минкиной, то у Грибоедова она звучит, как нечто нарочитое, является сознательным стремлением в вульгаризации.

Обыгрывание вульгаризмов просторечия сказывается также в употреблении слова «сволочь», которое сделалось популярным благодаря балладе Катенина «Ольга» и полемике, возникшей вокруг неё.

У Катенина:

...Казни столп; над ними тучей
Брезжит трепетно луна;
Чей-то сволочи летучей
Пляска вокруг его видна.
«Кто там! сволочь! Вся за мною!
Вслед бегите все толпою,
Чтоб под пляску вашу мне
Веселей прилечь к жене».
Сволочь с песней заунывной
Понеслась за седоком.

Грибоедов, обыгрывая двусмыслие этого слова, пишет Бегичеву: «Вчера я обедал со всею сволочью здешних литераторов» (письмо от 4 января 1825 г.). Тот же приём — у Батюшкова в письме Гнедичу от 3 мая 1809 г.: «Пиши мне пространнее обо всём: как играли, что говорят седые цензоры и весь ареопаг, и вся сволочь, и шмели, и трутни, и змеи и гарпии»³.

Литературные позиции Грибоедова отразились в его письмах и в использовании им иностранных слов. Слои иноязычной лексики очень невелики. За исключением нескольких восточных названий и имён, это — стилистически нейтральные, прочно вошедшие в разговорный язык дворянского общества европеизмы: «натурально», «манускрипт», «фасессия»; отдельные ходячие выражения «à propos», «voilà ce qui on sera» и др.

Характерно, что Грибоедов, наперекор распространённой манере своего времени, не перемежает в своих письмах русских слов и выражений с иностранными. Его письма написаны или сплошь по-русски, или целиком по-французски и по-немецки. Более того, в письме Грибоедова, написанное по-французски, часто вторгается русская речь, русское просторечие, как в письме Ахвердовой от 28 июня 1827 г.: *Des chaleurs suffoquantes, à 47° de Réaumur, mauvaise chère, ce qui m'embarasse le moins, pas de lecture, pas de piano. Тошно до смерти.*

В тех редких случаях, когда Грибоедов вставляет французскую фразу в русский текст письма, он тут же сопровождает её русским дополнением; например в письме Жандру и Миклашевич от 18 декабря 1825 г.: «и когда мы не вместе, есть о ком думать. Avec ce cortège d'amis on ne s'ennuie pas trop соеги, в том и счастье...».

Большей же частью французские вставки в письмах являются передачей разговора, происходившего на французском языке (см. письма: Бегичеву от 29 января 1819 г., Паскевичу от апреля 1828 г.), или цитатами из чужих писем, написанных по-французски (см. письмо Паскевичу от 6 сентября 1828 г.).

Литературная позиция Грибоедова, как «архаиста», казалось бы, должна была предполагать широкое применение им церковно-славянской лексики. Однако анализ писем приводит к обратным выводам. Это обусловлено опять-таки тем обстоятельством, что в его письмах отсутствует установка на «литературность»; церковно-славянская лексика отражена в них постольку, поскольку она наличествовала в разговорном языке дворянского общества, в котором она часто использовалась в пародийном плане.

Так же используется она в письмах Грибоедова. Характерный пример в письме к Рыхлевскому от 25 июня 1820 г.: «В первый раз от роду вздумал подшутить, отведать статской службы. В огонь бы лучше бросился нерчинских заводов и зываю с Иовом: да погибнет день, в который я облекся мундиром иностранной коллегии, и утро, в которое рекли: се титулярный советник. День тот, да не выщеп его господь свыше, ниже да придет на него свет, но да примет его тьма, и сень смертная, и сумрак».

В письме Катенину от 19 октября 1817 г. Грибоедов, говоря о жандровском переводе «Гофолии» Расина, писал: «Бесподобная вещь, только одно слово и к тому же рифма пребогомерзкая: говяда. Видишь ли: в библии это значит стадо, да какое мне дело?..». Отсюда видно, что его отношение к возрождению обветшалых церковно-славянизмов было отрицательным, и представление о нём, как о прямом продолжателе шишковских традиций, должно приниматься с большой осторожностью.

Возвращаясь к просторечию писем Грибоедова, считаю нужным остановиться на самом содержании этого понятия.

Сейчас под просторечием мы понимаем определённую стилистическую категорию, стоящую на грани литературного употребления. Просторечие, в современном значении этого понятия, представляет, по отношению к разговорному языку, совокупность особых, отличных от него языковых фактов. Это отличие в основном заключается в том, что факты разговорного языка не нарушают норм литературной речи, являя собою возможный её вариант. Просторечие же всегда осознаётся говорящими на литературном языке как отклонение от установившихся в языковом употреблении норм литературной речи.

Просторечие конца XVIII и начала XIX века представляет собою определённую систему разговорного обиходного языка образованного общества. Оно противопоставлено языку письменному, как разговорный вариант общенациональной речи; иными словами, просторечие есть разговорный язык того времени. Словарь Академии Российской

ской 1806 г. не отличает просторечия от разговорной речи и в помете «простореч.» даёт такое разъяснение: «В просторечии или в разговорном языке употребляемое».

Шишков, возражая против введения буквы «ё», писал: «Вывдумка сия, чтобы ставить над буквою е две точки, вошла в новейшие времена к совершенной порче языка. Она до того распространилась, что пишут даже звёзды, гнёзды, лжѣшь и проч., когда иначе не пишется и даже говорящими чисто не говорится, как гнѣзда, звѣзды, лжѣшь или в просторечии лжошь, но никогда лжѣшь, чего и произнести невозможно». Таким образом, литературно книжному произношению Шишков противопоставляет произношение, установившееся в разговорном языке, который он отождествляет с просторечием⁴.

Просторечный элемент может отличаться от соответствующего ему литературного варианта рядом признаков. Такими признаками могут быть ударение (например, современное: докúмент — документ, арест — арѣст и др.), различие фонем (колидор — коридор, пашпорт — паспорт и др.), различие в словообразовании (беспременно — непременно, сподряд — подряд, боюся — боюсь), особенности синтаксических связей.

Наконец, литературным вариантам могут быть противопоставлены целиком просторечные лексемы, не имеющие ни фонетических, ни морфологических, ни синтаксических соответствий со своими дублетами.

В тексте писем Грибоедова представлены явления преимущественно последнего рода (например, «нынче», «давеча», «больно» в значении «очень»; «охота» в значении «желание», «эдакий», «коли», «кабы» и многие другие). Но встречаются также элементы, характеризующиеся и другими признаками.

Например, слово «пашпорт» при соответствующем «паспорт». «... А п а ш п о р т ы ко мне доставили в самый день моего отъезда из Москвы» (Бегичеву, 18 сентября 1818 г.); или слово «ярмонка» при соответствующем «ярмарка»: «Для нелюдима шум ярмонки менее заманчив...» (Всеволожскому, 18 августа 1823 г.) (В болгарском списке «Горя от ума» в речи Хлѣстовой — «на ярмарке»); или возвратная форма глагола на «ся» в первом лице: «Он подговаривал меня вместе прокатиться в Москву, и признаюся, соблазнительно очень» (Бегичеву, июнь 1824 г.) и др.

В целом ряде случаев просторечные элементы писем Грибоедова имеют прямое соответствие в тексте «Горя от ума», но и в тех случаях, когда такого соответствия нет, мы имеем дело с тем же просторечием, в атмосфере которого создавалась комедия.

Просторечие писем Грибоедова ярко проступает в употреблении им различных служебных слов. Грибоедов предпочитает их просторечные варианты. В этом отношении очень характерно использование условных союзов.

В письмах Грибоедова мы встречаемся со следующими вариантами условных союзов: «ежели», «если», «коли», «кабы». Союз «ежели» осознаваемый в ту эпоху как элемент письменной речи⁵, встречается у Грибоедова очень редко. Любопытно, что один из немногих случаев его употребления — как раз в письме Николаю I. Несмотря на необычный тон этого письма, о чём говорилось выше, Грибоедов в области незначительных слов невольно придерживается традиции: «... но ежели продлится мое заточение, конечно, и от неё не укроется».

Союз «если» употребляется в письмах несколько чаще, но самое употребление этого союза характерно для всей манеры Грибоедова. Конструкции с «если» обычно строятся соответственно синтаксису разговорной речи: в главном предложении этому союзу не соответствует соотносительное слово, а если оно и есть, то обычно им является слово «так».

Например: «...если художник, разбей свою палитру» (Катенину, январь 1825 г.);

«...если там скоро утишатся военные смуты, перейдём в Дагестан» (Кюхельбекеру, 27 ноября 1825 г.).

Или:

«...если я немного наслужил, так вдоволь начитался» (Булгарину, 16 января 1827 г.);

«...а если сердиться, так сделай одолжение, перестань» (Катенину, 19 октября 1817 г.).

В отдельных случаях употребление союза «если» обусловлено соседством слов с ярко выраженной книжной стилистической окраской:

«Я ещё нового назначения никакого не получил. Да если и не получу, да мимо идет меня чаша сия» (Паскевичу, 12 апреля 1828 г.).

Но и в этом случае конструкция предложения остается той же — без «то».

В противоположность союзам «если» и «ежели», союзы «коли» и «кабы» в письмах Грибоедова широко употребляются. Эти союзы воспринимались как элементы, свойственные только разговорной речи, недопустимые в языке письменном. Словарь Академии Российской квалифицирует союз «коли» как элемент «простонародный», союз «кабы» в словаре вообще отсутствует, вероятно, по причине его нелитературности.

Конструкции с этими союзами строятся по тому же образцу, — или без соотносительного слова:

«Коли захочешь, он достанет тебе случай у меня побывать» (Булгарину, 1826);

«Коли случай будет заслать или заехать к Гречу, подпишись за меня на получение его журнала» (Бегичеву, 30 августа 1818 г.);

«Кабы мог я предложить тебе нелюбимые надежды, силою бы вызвал обратно» (Кюхельбекеру, 1 октября 1822 г.);

— или с соотносительным словом «так»:

«Коли кого жалко в Тифлисе, так это Алексея Петровича» (Толстому и Всеволожскому, 27 января 1819 г.);

«...пришли «Временник» и «Абуль-Газа», да коли нет «Бержерона», так по-русски План Карпина» (Бумарину, июнь — июль 1826 г.);

«А вечером кабы свидеться у меня и распить вместе бутылку шампанского, так и было бы совершенно премудро?» (Верстовскому, декабрь 1823 г.).

Сравнивая в этом отношении письма Грибоедова с письмами Карамзина, Жуковского, Батюшкова, мы замечаем у них преобладание литературно-нейтрального варианта «если», обычно сопровождаемого соотносительным словом «то» в главном предложении. Ср. у Карамзина: «Естьли Академия выдаёт журнал, то сделай одолжение, подпишись на него..., а естьли нет, то купи мне 3-ю часть русского лексикона, издаваемого Российской Академиею, буде она вышла» (Дмитриеву, 23 апреля 1791 г.).

Любопытно, что, при необходимости разнообразить применение союзов, Карамзин не прибегает к «простонародным» «коли» и «кабы», а использует архаичный вариант «буде». Широко распространён вариант «коли» в письмах Катенина.

Таким образом, эти союзы являются своего рода лакмусовой бумажкой при определении литературно-стилистической направленности того или иного писателя. Конечно, вряд ли здесь можно говорить о вполне сознательном применении этих элементов, но общая установка писателя сказывалась здесь невольно.

В «Горе от ума» мы в праве предполагать те же языковые тенденции, что и в письмах Грибоедова. По подсчёту Кунницкого, союз «если» в комедии встречается 14 раз, союз «кабы» — 1 раз, «коли-коль» — 5 раз, союз «ежели» отсутствует⁶. На первый взгляд может показаться, что по употреблению этих союзов комедия менее «просторечна», чем письма Грибоедова: союз «если» употребляется в два раза чаще, чем остальные варианты. Но если проследить употребление этого союза, то в большинстве случаев он встречается в конструкциях без соотносительного слова в главном предложении. Например:

Софья.

Ах! если любит кто кого,
Зачем ума искать и ездить так далёко? (д. I, явл. 5).

Чацкий.

Но если так: ум с сердцем не в ладу (д. I, явл. 8).

С к а л о з у б.

Скликай других, а если хочешь,
Я князь-Григорию и вам
Фельдфебеля в Вольтеры дам (д. IV, явл. 5).

В остальных случаях конструкции с союзом «если» представляют собою неполные, незаконченные предложения, характерные для разговорного синтаксиса, и употребление союза «если» не нарушает общего тона просторечия комедии. Например:

Л и з а.

Вот, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-богу, нет пяти минут,
Как поминали вас мы тут (д. I, явл. 7).

В конструкциях с союзом «коли» соотносительное слово в главном предложении или отсутствует, или им является также слово «так».

Ф а м у с о в.

...Уж коли зло пресечь:
Забрать все книги бы да сжечь (д. III, явл. 21).

Ч а ц к и й.

Коли явился ты на бал,
Так можешь воротиться (д. IV, явл. 4).

Ч а ц к и й.

Уж коли горе пить,
Так лучше сразу (д. IV, явл. 10).

Союз «как» во временном значении является разговорным вариантом союза «когда». В письмах Грибоедова он встречается неоднократно:

«Впрочем, я вообще был не в духе, как писал» (Катенину, 19 октября 1817 г.). 1817 г.).

«...теперь, как оттуда удаляюсь, кажется, что там всё хорошо было» (Бегичеву, 30 августа 1818 г.).

В письмах современников Грибоедова, особенно у людей, непричастных к литературе, этот союз также часто употребляется. Ср.: «... я во время последнего сражения командовал второю армиею на место князя Багратиона, как он был ранен» (письмо Дохтурова к жене, 12 сентября 1812 г.)⁷.

В «Горе от ума» мы его тоже встречаем:

Л и з а.

...Слезами обливался,
Я помню, бедный он, как с вами расставался (д. I, явл. 5).

Ч а ц к и й.

Свежо предание, а верится с трудом,
Как тот и славился, чья чаще гнула шея (д. II, явл. 2).

Союз и относительное слово «что» в разговорном языке грибоедовской эпохи отличались большой ёмкостью значения, употребляясь не только в дополнительных предложениях, но также во временных, условных и определительных конструкциях. У Грибоедова в письмах это явление широко представлено.

Например, во временном предложении:

«...нынче я однако свежее, и что встал, пошёл поглазеть на молоденькую старую знакомку» (Бегичеву, 5 мая 1818 г.).

«...теперь, что выздоровел, первое письмо к тебе» (Бегичеву, 19 ноября 1816 г.).

Сравним с этим письмо московской барыни Марьи Ивановны Римской-Корсаковой:

«Она, что приехала в Москву, то он перестал почти ко мне ездить»⁸.

У Грибоедова в условном предложении:

«В случае, что меня отправят куда-нибудь подалее...» (Булгарину, 19 марта, 1826 г.).

Ср. конструкцию из письма Багратиона Ермолову:

«Что день опоздаю, то я окружён» (5 июля 1812 г.)⁹.

В определительном предложении:

«Но он не был при нём всё время, что я находился в России» (Бегичеву, 7 декабря 1825 г.).

Ср. в «Горе от ума»:

Софья.

Конечно, нет в нём этого ума,

Что гений для иных, а для иных чума (д. III, явл. 1).

Одной из мелких, но характерных черт разговорного языка той эпохи было употребление сложных союзов типа «для того что», «затем что» в причинном значении. У Грибоедова: «Ты бы через это большую пользу принёс человечеству: для того что у меня нет ни копейки» (Бегичеву, 4 сентября 1817 г.). В письме Комовского к Языкову от 29 апреля 1831 г.: «У Баратынского Елецкий только променял Сару на Веру... затем, что с давних пор не видал нежного румянца на щеках»¹⁰.

Ср. выражение Фамусова:

Один Молчалин мне не свой,

И то затем, что деловой (д. II, явл. 5).

У Грибоедова мы встречаем также просторечный вариант уступительного союза «даром что»:

«Ни строчки моего путешествия я не выдам в свет, даром что Катенин жалеет об этом» («Путевые записки», 31 января 1819 г.)

Ср. у Катенина: «...предмет так обширен, и даром что много о нем писали, так нов» (Бахтину, 27 января 1830 г.).

Таким образом, в такой сравнительно небольшой категории служебных слов, как союзы, просторечие в письмах Грибоедова сказывается довольно ярко. Характерно, что союзов с явно книжной стилистической окраской Грибоедов или совсем не употребляет (например, союз «дабы») или употребляет очень редко, например, «ибо». Интересно при этом, что один из малочисленных случаев употребления союза «ибо» объясняется, повидимому, темой всей фразы:

«Ты совершенно прав, но этого для меня не довольно, ибо кроме голоса здравого рассудка есть во мне какой-то внутренний распорядитель, наклоняет меня ко мрачности, скуке... Я тот же, что в Феодосии, не знаю, чего хочу» (Бегичеву, 7 декабря 1825 г.).

Но не только союзы, а также и другие служебные слова выступают в письмах Грибоедова нередко как просторечные элементы. Например, предлоги:

«Здесь природа против Кавказа всё представляет словно в сокращении» (Бегичеву, 9 июля 1825 г.);

«Он мне промеж нравоучительных разговоров объясняет, что дом свой запрёт...» (Кюхельбекеру, 3 мая 1820 г.).

Частицы:

«Коли сохранил ко мне хотя искру любви, признаю себя совершенно недостойным» (Кюхельбекеру, 1 октября 1822 г.).

«Шаховской-та ки сосватал сестру за полицейского Юпитера» (Жандру, 12 декабря 1825 г.).

«Неужто (у Грибоедова: не ужь-то) он явится в полк?» (Бегичеву, 4 сентября 1817 г.).

Связки:

«Фет-Али-Хан в свою очередь... пошёл всех бить на базаре (Кюхельбекеру, 3 мая 1820 г.).

В категории знаменательных слов просторечные варианты в письмах Грибоедова представлены главным образом наречиями и наречными выражениями.

Наречия времени:

«Холод истерзал все лица, которые нынче ко мне являлись» (Верстовскому, декабрь, 1823 г.).

«Нынче обегал весь город» (Бегичеву, 19 сентября 1825 г.);

«Одно и то же, как вчера, так и нынче» (Каховскому, 27 декабря 1820 г.).

Встречаем также образование «нынешний»:

«...нынешний день у нас, линейных, богат происшествиями» (Бестужеву, 22 ноября, 1825 г.).

В «Горе от ума» наречие «нынче» встречается 16 раз, в то время как соответствующее ему «ныне» — всего один раз, а «сегодня» — три раза. Например:

Молчалин.

День за день, нынче как вчера (д. III, явл. 3).

Репетиллов.

Эй брось! кто нынче спит? (д. IV, явл. 4).

Фамусов

Вы, нынешние, — нутка! (д. II, явл. 2).

Чацкий.

Как посравнить, да посмотреть

Век нынешний, и век минувший... (д. II, явл. 2).

Давеча (У Грибоедова: давиче)

«К Вяземскому я еще давиче писал» (Верстовскому, декабрь 1823 г.);

В «Горе от ума»:

Фамусов.

Молчалин давиче в сомненье ввёл меня (д. I, явл. 10).

Чацкий.

Пред кем я давиче так страстно и так низко

Был расточитель нежных слов (д. IV, явл. 14).

Ужо

«Ужо дома побольше напишу...» (Бегичеву, 9 сентября 1818 г.).

В «Горе от ума»:

Хлёстова.

Вели их накормить ужо, дружочек мой» (д. III, явл. 10).

Век

«А то с этим невежественным чиновным народом век ничего не узнаешь» (Булгарину, 16 апреля, 1827 г.).

В «Горе от ума»:

Чацкий.

С ней век мы не встречались (д. III, явл. 3).

Сроду

«...всего забавнее, что я ему твердил о том, как сроду не имел ни малейших видов честолюбия...» (Бегичеву, 15 апреля, 1818 г.).

В «Горе от ума»:

Софья.

Он слова умного не выговорил сроду, —

Мне всё равно, что за него, что в воду! (д. I, явл. 5)

Покудова

«Выхожу из забвения, покудова облака и мрак вечерний не скроют совершенно чудесного единственного вида...» (Бестужеву, 22 ноября 1825 г.)

В «Горе от ума»:

Лиза.

Не спи, покудова не скатишься со стула (д. I, явл. I).

Намеднись

«Намеднись гр. Дибич говорил...» (Паскевичу, 3 апреля 1828 г.).

Ср. также наречие «теперича» в письме Дохтурова: «Теперича я тороплюсь отправить сие письмо» (17 октября 1813 г.) с монологом Фамусова:

Он сам, я думаю, теперьче маски сбросьте (акт IV, сцена 14, муз. автогр.).

Наречия места:

Отсюдова — оттудова

Отсюдова меня не пускают» (Всеволожскому, 8 августа 1823 г.).

«...Судьба завела меня с ним на Малку и оттудова к разным укреплениям новой линии» (Бегичеву, 7 декабря 1825 г.).

Ср. с этим реплику Скалозуба:

Да кто? Откудова? (д. II, явл. 7).

Или Репетилова:

Дай протереть глаза; откудова? приятели! (д. IV, явл. 4).

Наречия образа действия:

Разом

«Этот человек давний вам друг: и поэтому разом и уважили представление» (Паскевичу, апрель, 1828 г.).

В «Горе от ума»:

Лиза.

А то, помилуй Бог, как разом

Меня, Молчалина, и всех с двора долой (д. I, явл. 5).

Наповал

«...вместе со мной немцев ругает наповал» (Бегичеву, 18 сентября 1818 г.).

В «Горе от ума»:

Софья.

Который скор, блестящ и скоро опротивит,

Который свет ругает наповал (д. III, явл. I).

Одним махом

«...одним махом уничтожить всю эту подлость» (Жандру, 18 декабря 1825 г.).

Отмечу здесь же местоименное наречие «этак» и соответствующее ему местоименное образование «этакый», встречающиеся в письмах как Грибоедова, так и его современников:

«...а всё легче, когда этак распишешься» (Кюхельбекеру, январь, 1823 г.).

У Римской-Корсаковой: «Не переживу этак ой беды»¹².

Ср. с этим в «Горе от ума»:

Софья.

Да эдакий-ли ум семейство осчастливит? (д. III, явл. I).

Попутно интересно отметить, что архаичные «сей» и «оный» в письмах Грибоедова не встречаются вне стилистически их оправдывающего контекста. В «Горе от ума» местоимение «оный» не употреблено ни разу, а «сей» только у Фамусова и Загорецкого, и то в лексикализованном сочетании «к тому, к сему» (д. II, явл. 5; д. III, явл. 9).

Наречия меры:

Пуще

«...он меня страстно любит, и пуще моего будет несчастлив, коли узнает...» (Бегичеву, 19 сентября 1825 г.).

В «Горе от ума»:

Чацкий.

Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых (д. III, явл. 3).

Смерть — до смерти
«Я здесь обжился, и смерть не хочется ехать» (Толстому и Всеволожскому,
27 января 1819 г.).

«Оба раза испугал меня до смерти» (Бегичеву, 18 мая 1825 г.).
В «Горе от ума»:

Лиза.

А я... одна лишь я любви до смерти трушу. —
А как не полюбить буфетчика Петрушу (д. II, явл. 13)

Загорецкий.

Я сам ужасный либерал,
И рабства не терплю до смерти (акт IV, сцена 6, муз.
автогр.).

Просторечные варианты встречаются в большом количестве также в категории вводных слов.

Пожалуй

«...пожалуй, потрудись не быть ленивым, обрадуй меня хотя двумя словами»
(Бегичеву, 9 ноября 1816 г.).

В «Горе от ума»:

Фамусов

Пожалуй, пощади (д. II, явл. 2).

Авось

«Подожду, авось, придут в равновесие мои замыслы беспредельные» (Бегичеву,
9 сентября 1825 г.).

В «Горе от ума»:

Хлестова.

Так Бог ему судил, а впрочем,
Полечат, вылечат авось (д. IV, явл. 8).

Стало быть

«Стало быть, покойник Август фон Коцебу породнится с Романом Ивановичем (Каховскому, 19 октября 1820 г.).

В «Горе от ума»:

Г. Н.

С ума сошёл!.. Ей кажется, вот на!
Не даром? стало быть... с чего-б взяла она! (д. III, явл. 15).

Отмечу также междометие «чур»:

«Сто раз благодарю, что нянчите Вильгельма, чур не заглядываться, тотчас треснется головой об пол» (Жандру, 18 декабря 1825 г.).

В «Горе от ума»:

Г. Д.

У всех повыспрошу: однако, чур, секрет! (д. III, явл. 16).

Разговорный язык дворянского общества начала прошлого столетия, насколько можно судить по письмам, был насыщен лексемами, непосредственно выражающими различные эмоции. Эти экспрессивно-эмоциональные элементы, часто вульгаризмы, мы встречаем у Грибоедова в различных грамматических категориях слов, а также среди многочисленных фразеологических выражений. Привожу часть из них:

Отдельные лексемы:

«Итак, плюнь на марагателя Дмитриева» (Бегичеву, 18 мая 1825 г.).

«Тебе грустить не должно, все мы здесь ужаснейшая дрянь» (Катенину,
17 октября 1824 г.).

«Скажи ему по-французски, что он свинья» (Булгарину, 16 апреля 1827 г.).

«Да приезжай скорее, неужели всё заводчика корчишь...» (Бегичеву, 9 ноября 1816 г.).

«...вчера храпел я у немцев при шуме, треске и грохоте...» (Катенину, 17 октября 1824 г.).

«...будем вешать и прощать и плюем на историю» (Бегичеву, 7 декабря 1825 г.).

«Аббас Мирза халат от отца получил; мы не ездили глазеть на эту помпу» (Каховскому, 3 мая 1820 г.).

«...узнай в герольдии наконец, какого цвету дурацкий мой герб, нарисуй и пришли мне со всеми онёрами» (Булгарину, 12 июня 1828 г.).

Фразеологические выражения:

«В случае, что меня отправят куда-нибудь подальше, я чрез подателя этой записки передам тебе мой алмазный крест, а ты его по боку» (Булгарину, 1826 г.).

«... он ей и всем наплевал в глаза и был таков» (Катенину, январь, 1825 г.).

«...боюсь слечь или с курка прыгнуть...» (Булгарину, 1826 г.).

«О дурь берёт на этой проклятой дороге» (Жандру, 12 июня 1828 г.).

«Крепиться можно до некоторой степени, ещё минута, и сделаешься хуже бабы» (Бегичеву, 10 июня 1824 г.).

«Хоть то хорошо, коль о здешнем городе сказать: провались он совсем, так точно, иной раз провалится» (Катенину, февраль, 1820 г.).

Сюда же примыкают выражения пословично-поговорочного характера, которые Грибоедов иногда перефразирует на свой лад:

«Два старшие генерала ссорятся, а с подчинённых перья летят» (Бегичеву, 9 декабря 1826 г.).

«И всё это происходит в Чернском уезде, неподалеку от Скуратова имения, бывшего и сплывшего, которое они, между прочим, продали» (Жандру, 24 июня 1828 г.) и др.

Эта эмоционально-насыщенная экспрессивная лексика и фразеология переносилась Грибоедовым из живой речи в «Горе от ума». Вспомним резкие, грубоватые реплики графини-бабушки:

«Ах, окаянный вольтерьянец» (д. III, явл. 20);

графини-внучки:

«Какие-то уроды с того света» (д. IV, явл. I);

Платона Михайловича о Загорецком:

«Отъявленный мошенник, плут» (д. III, явл. 9),

и многие другие.

Сопоставим также выражение «мочи нет» в письме Грибоедова и в речи персонажей комедии, где оно употребляется с различными оттенками значения.

У Грибоедова:

«Здесь дороговизна такая, что мочи нет» (Родофиникину, 12 июля 1828 г.).

В «Горе от ума»:

Чацкий.

Мы мочи нет друг другу надоели (д. I, явл. 7).

Чацкий.

Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь (д. IV, явл. 3).

Чацкий.

Да, мочи нет; миллион терзаний (д. III, явл. 22).

Наталья Дмитриевна.

Здесь так свежо, что мочи нет (д. III, явл. 6).

Фамусов.

Терпенья, мочи нет, досадно (д. II, явл. 2).

Лиза.

Ах! мочи нет! робею (д. IV, явл. II).

Лиза.

Тужите знай, со стороны нет мочи (д. I, явл. 3).

Ср. также употребление слова «охота» в роли сказуемого:

«...Охота же так ревностно препираться о нескольких стихах» (Одоевскому, 10 июня 1825 г.).

«Однако охота была нашему прозорливому другу петь свою Феогонию...» (Катенину, февраль, 1820 г.).

В «Горе от ума»:

Лиза.

Да, как же! по сням бродить ему охота! (д. IV, явл. 11).

Молчалин.

Охота быть тебе лишь только на посылках (д. IV, явл. 12).

Сопоставление просторечной лексики писем Грибоедова с речью персонажей его комедии наглядно показывает, насколько язык её был близок к бытовому разговорному языку того времени. Чтобы создать такое произведение, не имеющее прецедентов в прошлом, Грибоедов должен был освоить систему просторечия своего времени, как художник, для которого это просторечие становилось материалом его творчества; он должен был подойти к нему, так сказать, со стороны, как наблюдатель и собиратель.

Письма Грибоедова, которые по сравнению с письмами его литературных современников отличаются большей просторечностью и в этом отношении приближаются к переписке людей, стоявших далеко от литературы, отражают этот многолетний творческий процесс. Мы видим в них, что Грибоедов фиксировал своё внимание на различных явлениях просторечия, в частности на его лексической стороне, запечатлевая их в памяти и на бумаге, производя своего рода отбор наиболее типичных из них, чтобы потом подчинить их своим творческим намерениям.

ПРИМЕЧАНИЯ

М. Гершензон, Грибоедовская Москва, М., 1918, с. 68.

² «Русский Архив» 1868, кн. 10.

³ «Русская Старина» 1871, кн. 2.

⁴ «Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова», т. II, Берлин 1870, с. 387. Сохраняем стилистически существенные особенности орфографии подлинника.

⁵ В «Словаре Академии Российской», 1809: «Ежели», просто же — «если».

⁶ В. Кунецкий. Язык и слог комедии «Горе от ума», Киев, 1894.

⁷ «Русский Архив» 1874, кн. 5.

⁸ М. Гершензон, цит. соч., с. 66.

⁹ «Чтения в обществе Истории и древностей Российских» 1863, кн. 1.

¹⁰ «Литературное Наследство», М. 1935, кн. 19—21.

¹¹ «Русская Старина», 1911, кн. 7.

¹² М. Гершензон, цит. соч., с. 57.